

Матвеев Евг.

1986/II

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

25 ФЕВ 1986

Евгений Матвеев, народный артист СССР, делегат XXVII съезда КПСС:

ЗВАНИЕ — КОММУНИСТ

Есть события, этапные для судеб Отчизны, для каждого гражданина. В их ряду — XXVII съезд нашей партии, начинающий сегодня свою работу. В этот день с особой температурой мысли и чувств думаешь о земле, давшей тебе дыхание. О народе, с которым ты связан каждой жилкой сердца, общей социальной биографией, который питал и питает корни твоего творчества. О том, чем помог лично ты — коммунист, человек, художник — борьбе партии и народа за более духовный, более богатый, красивый завтрашний день на родной земле.

В моей творческой биографии главное место занимают образы коммунистов, над которыми мне посчастливилось работать. Понятие «коммунист» никогда не было для меня понятием отвлеченным. Помню перетянутых португальцами совсем молодых членов партии, сжигавших свои сердца во имя обновления жизни. Помню их глаза — они улыбались, когда всматривались в светлые черты будущего, и становились беспощадными, когда надо было драться за него. А драться им приходилось, бой шел смертельный. Самое яркое воспоминание моего детства — пришлось оно на годы коллективизации — это похороны коммуниста, колхозного активиста, убитого кулаками. Помню суровые революционные песни, которые пели товарищи, провожая павшего в последний путь. Малец, я был среди них и пел. И я говорю сегодня: все мои герои — это сыновья одной матери — Революции.

Так входил в мое сознание, в мою кровь образ партийца — не «темой», но обожженной памятью, жизнью и борьбой. Эта память питала меня, уточняла строй и лад, когда пришла пора показывать коммунистов на экране. Первым в плеяде тех героев был Макар Нагульнов из «Поднятой целины».

Я носил в себе этот образ как талисман с той минуты, когда перевернул последнюю страницу шолоховской книги. Когда сегодня я читаю и слышу разговоры о том, как воздействуют и как должны бы воздействовать на умы и сердца людей литература и искусство, я вспоминаю свое чувство от «Поднятой целины» — то было потрясение! И я мечтал, воплощая образ на экране, чтобы зритель почувствовал, из какого благородного сплава было отлито сердце этого человека — сердце коммуниста, бойца, мечтателя. Чтобы зритель поверил в него и пошел за ним.

Самая полная отдача делу, способность поступиться всем самым тебе дорогим во имя счастья людей — вот что я стремился всегда перенести на экран, работая над образами коммунистов.

Так было, когда я играл Дерюгина в фильмах «Любовь земная» и «Судьба» — он был как брат родной Нагульнову: тот же закал, та же партийная убежденность, надежность во всем. Из семьи таких героев мой Шаповалов из «Высокого звания», которого призвал под

ружье и боевые знамена суровый для Родины час. И Добротин из «Сибирячки», покоривший меня неумной силой характера, жадной созидания, как бы в те годы уже предвидевший сегодняшнюю общественную потребность в историческом для судеб страны ускорении; и Федотов из «Родной крови», вышедший из страшной войны добрым и нежным, — все это коммунисты, сыновья единой матери-Революции.

Они ошибались и ушибались, сомневались и страдали, как все смертные, жили, не ропща, не хныча, во временах, не знали большого достатка в узкобытовом своем существовании — и шли вперед, строили города, гидростанции, заводы, меняли облик действительности. И в этом видели свое главное на земле предназначение, свое счастье. И разве мог кто-нибудь из них позволить себе произносить правильные фразы, а делать, жить совсем по-другому, мог ли кто-нибудь из партийцев такого закала хоть в чем-то поступиться совестью, не дать отпор пакостникам или заблагодарствовать, обрасти «духовным жирком»? Коммунисты, которых я встречал, которыми восторгался, на которых всегда стремился походить, превыше всего ставили партийную совесть, что вела их безошибочным путем и в пору самых суровых испытаний.

Не на таких ли людей опирается сегодня наша партия и весь наш народ? Не таким ли сегодня должен быть каждый коммунист — и в жизни, и на экране — ищущим настоящую работу, принимающим важные государственные решения по личной инициативе, а не по указке «сверху», берущим на себя ответственность, испытывающим жгучий стыд от скверно сделанной работы. Вот ведь чего часто не хватает нам — простого человеческого стыда перед самим собой и перед народом.

Мы живем нынче в удивительное время. Всюду — дома, в метро, на работе — люди открыто, ясно, горячо говорят о государственных делах. Мы ясно видим, чувствуем их так возросшую и окрепшую гражданскую активность. Могучий импульс ей придали решения апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС, всенародное обсуждение проектов новой редакции Программы и Устава партии, подготовка к XXVII съезду КПСС.

Кинематограф наш лучшими произведениями всегда стремился идти в ногу со временем.

Но сегодня этого мало — не поспевать нынче надо, а опережать, вести за собой. Нам, кинематографистам, нужно сделать очень многое, чтобы вернуть любовь и доверие миллионов, скажем прямо, изрядно подорванное серыми, бездумно и бездушно снятыми лентами, которых слишком много выходило за последние годы на экраны и которые и сейчас еще выходят в большом количестве. Кинематограф просто обязан сегодня выводить на экран героев неравнодушных, взрывающих застойность. Но для этого необходимо, чтобы произошел процесс перестройки и в сознании самих художников. Что греха таить, за годы делания приблизительных по проблематике, «никаких» фильмов мы поотвыкли говорить с экраном суровым языком правды, без резонерства и пустопорожних деклараций. Мы как-то наладились выдавать кинематографический «вал». Это совершенно порочная практика, и это резко не соответствует самой сути многонационального советского киноискусства, на которое партия рассчитывала и рассчитывает как на своего верного и надежного помощника.

Вскоре после съезда я приступаю к съемкам фильма «Время сыновей», где сыграю роль академика Кордина. Это человек, своими руками создававший танки, трактора, варивший сталь для космоса. За академиком дела действительные, а не мнимые, он очень многое сделал для страны. Но на каком-то витке восходящей «спирали» он безнадежно отстал, обрекая дело на холостые обороты. Он «обронзовел», потерял верный ориентир, уверовав в свою непогрешимость. Он сегодня тормозит дело, и он должен уйти. Это объективная необходимость. В происходящем в нашем обществе оздоровительном процессе кинематографу тоже предстоит сказать свое страстное слово.